

ПОЧЕМУ Я НЕ СОЛИПСИСТ

Мартин Гарднер

1983 год

Солипсизм – это безумие, которое выражается в убеждении, что существуют только я, какая-то одна личность. Все остальные части вселенной, включая других людей, являются несущественными вымыслами ума одного человека, который и есть единственно реальным. Это почти все равно, что полагать себя Богом, и, насколько я знаю, ни одного настоящего солипсиста вне сумасшедшего дома нет. Зачем, в таком случае, я трачу время на объяснение, почему я не солипсист?

Одна из причин состоит в том, что многие философы утверждают, будто солипсизм невозможно опровергнуть рациональным путем; будто вера в других людей и внешний мир держится на некоторого рода “животной вере”, или что она просто общепринята, или позволяет не сойти с ума. В последнее время возобновился интерес к таким взглядам, которые хотя сами по себе и не относятся к солипсистским, но тем не менее тесно с ними связаны. Любопытно, что такие взгляды высказываются иногда знаменитыми физиками в связи с философскими интерпретациями квантовой механики. В этой главе я постараюсь распутать многие запутанные вопросы, которые поднимались в старых философских дебатах. [...]

Бертран Рассел как-то вспоминал, что однажды он получил письмо от дамы-логика Кристины Лэдд-Фраклин, в котором она объявляла себя солипсистской. Доктрина эта казалась ей столь неопровержимой, что она не понимала, почему другие философы не становятся солипсистами. Мы все пленники так называемой “ловушки эгоцентризма”. Все, что мы знаем о мире, основано на информации, получаемой через наши чувства. Мир нашего опыта – всеобщность всего, что мы видим, слышим, касаемся, чувствуем, иногда называется “феноменальным миром”. Ясно, что невозможно ощутить то, что находится за пределами ощущений, испытать больше того, что может быть испытано. Чарльз Пирс изобрел полезное слово для этого феноменального мира. Он назвал его “фанероном”.

Какие у нас основания для веры в то, что вне нашего личного фанерона существуют какие-то вещи? Давайте с самого начала допустим, что солипсисту невозможно доказать, что вне его фанерона существует что-либо, если под словом “доказать” мы имеем в виду теоремы логики или математики. Ситуация даже хуже. Как часто указывают философы, у солипсиста нет никакого способа доказать самому себе, что он существовал вчера. Ведь может быть и так, что весь его феноменальный мир, включая всю его память, “выпрыгнул” в реальность в прошлый вторник. Он не может доказать и то, что он и весь его фанерон будут существовать после четверга. Таким образом, солипсизм съезживается до того, что называется “солипсизмом момента”. Одно может быть определенным, а именно “Я существую сейчас” – отправная точка философии Декарта.

Но подождите, даже это не так просто. Может быть, дорогой читатель, ты всего лишь продукт сна некоторого бога, подобно тому как Шерлок Холмс – продукт воображения Конан Дойла. Индусы верят, что вселенная, включая меня и тебя, есть сон Брахмы. И она перестанет существовать, как только Брахма проснется. Алиса в Зазеркалье думала, что ей снится Красный Король. Но Король все время спит, и Алисе говорят, что она просто “нечто” из сна Красного Короля. Один студент как-то спросил во время занятий по философии профессора Морриса Коэна, – “Откуда мне знать, что я существую?” На что профессор ответил, – “А кто это спрашивает?”

Поскольку все наше познание мира и других людей мы получаем благодаря информации, поступающей к нам в сознание через фильтр чувств, нет “железного” способа опровержения солипсизма. Под “железным” способом я подразумеваю строго логический подход. Невозможно опровергнуть что-либо, пребывающее за пределами чистой логики и математики, и даже в этом случае все происходит в рамках формальных систем с общепринятыми аксиомами и правилами. Примите аксиомы и правила евклидовой геометрии, и тогда вы действительно сможете опровергнуть утверждение, что сумма углов треугольника больше двух прямых. Но едва ли большее опровержение, нежели опровержение того, что в полдюжине есть семь яиц? Тем не менее, несмотря на то, что в строгом смысле слова опровергнуть солипсизм невозможно, никто из философов в здравом уме не придерживается этой точки зрения. Почему?

Трудно обсуждать этот вопрос, не рассматривая его истории. А причина этого проста. Любой фундаментальный взгляд на любой метафизический вопрос был так хорошо изложен и мастерски аргументирован великими мыслителями прошлого, что на эту тему почти невозможно сказать что-то новое или улучшить старые аргументы.

Аристотель придерживался точки зрения здравого смысла, которой

теперь придерживается большинство людей, – философы, ученые, и просто обычные люди, – что за фанероном есть независимый от него мир “материи”. Неважно, что мы понимаем под “материей”. Она существовала до появления человека, и будет существовать, когда человек исчезнет. И этот внешний мир служит причиной событий во внутреннем мире наших ощущений, воспринимаемых нами как фанерон. До Аристотеля Платон приводил аргументы в пользу существования не только такого внешнего мира (который производит тени в знаменитой аллегории пещеры), но и в пользу существования, – независимого как от материи, так и от человеческого сознания, – универсальных идей вроде кошачность и число. Для Аристотеля такие универсалии не имеют реального существования, независимого от материальной вселенной, подобно тому как форма вазы не существует без самой вазы. В Средние Века этот вопрос принял форму дискуссии между номинализмом и платонизмом, или платоническим реализмом, сопровождаемой всякого рода изощренными терминологическими тонкостями, в данном случае нас не интересующими. Для нас важно, что средневековые схоласты были “реалистами” в том смысле, что, подобно Платону и Аристотелю, верили в этот огромный “внешний” мир, который пребывает за пределами мира явлений, и который, чтобы быть, не нуждается в нашем восприятии.

Первый великий исторический поворот в западной философии по этому вопросу связан с именем епископа Беркли (XVIII в.), ирландца англиканского вероисповедания, который провел несколько лет в Нью-порте, Род Айленд, тщетно пытаясь основать христианский колледж на Бермудах. Не знаю, много ли студентов Калифорнийского университета в Беркли знают, что этот городок был назван в честь епископа по той причине, что, как нам об этом говорит Б. Рассел, Беркли говорил: “Империя будет развиваться на Запад”. Последняя книга епископа была посвящена медицинским свойствам дегтярной настойки (чая). [...]

Легко подшучивать над философией Беркли, но он защищал ее с невероятным искусством. Я прочитал множество более поздних книг об идеализме, в которых сделано отнюдь не больше, чем это сделал Беркли, но материал изложен хуже. Чтобы понять аргументацию епископа, следует сказать кое-что о его знаменитом предшественнике Джоне Локке.

Локк также был добрым англиканцем; но, подобно ранним христианским философам, нимало не сомневался в том, что Бог сотворил материальный мир независимым от человеческого сознания. Что касается природы материи, Локк (как и И. Кант) охотно допускал, что она трансцендентна и непознаваема. А свойства познаваемой части материи Локк разделил на два класса: первичные и вторичные. Первичные свойства не зависят от восприятий. Например, камень тверд независимо от того,

трогаете вы его или нет. Но вот цвет, вторичное качество, зависит от сложного процесса видения. Ночью все кошки серы, а в полной тьме они даже не серы.

Не отрицая пользу этого различия, Беркли понял, что в некотором более глубоком смысле все качества оказываются вторичными. Как мы можем знать о твердости камня, пока мы не трогаем его? В самом деле, все, что мы знаем о материальных объектах, поступает к нам от наших органов чувств. Зачем предполагать наличие таинственной непознаваемой субстанции за пределами фанерона?

Одна из причин, по которой Аристотель и схоласты, как и обычные люди и ученые, предполагали это, состоит в том, что это простейшая гипотеза, которая может объяснить закономерности фанерона. Отвернитесь от дерева, и затем снова посмотрите на него. Оно все еще здесь. Вы ложитесь спать, просыпаетесь, а в комнате все та же мебель. Больше того, различные наши чувства согласуются друг с другом. Куб не только смотрится как куб, но и ощущается как таковой. Мы можем видеть, чувствовать, обонять яблоко. Положите яблоко в холодильник, выньте его через час, и попробуйте его. Оно будет таким же, как и прежде.

Мы, которые не солипсисты, верим, что другие люди существуют. Ну не удивительно ли совпадение, – а оно должно быть удивительным для всех, кто сомневается в существовании внешнего мира, – что все люди видят в существенных чертах один и тот же фанерон? Мы прогуливаемся по одним и тем же улицам одних и тех же городов. Мы обнаруживаем дома на одних и тех же местах. Два человека видят в телескоп одну и ту же галактику. Более того, они усматривают в ней одну и ту же спиралевидную структуру. Гипотеза о существовании внешнего мира, который не зависит от человеческого сознания и сотворен из чего-то, несомненно полезна и подтверждается многовековым опытом. Без преувеличения можно сказать, что эта гипотеза подтверждается лучше, чем какая бы то ни была иная эмпирическая гипотеза. Она настолько полезна, что в ней почти невозможно усомниться, так что сомневаются в ней лишь сумасшедшие и профессиональные метафизики.

Обратите внимание, я ничего не говорил о том, какова сущностная природа внешнего мира; я говорил только о том, что за фанероном проглядывает нечто, обуславливающее его сложные закономерности. Беркли никогда не сомневался в этом. Он сомневался, однако, что это “нечто” было материальным, то есть грубым, похожим на камешки. Подобные сомнения находят серьезную поддержку со стороны современной физики. Мы знаем теперь, что материя отнюдь не похожа на камешки. Она больше похожа на чистую математику. Каждая частица рассматривается как волна вероятности в абстрактном многомерном пространстве. В отличие

от дерева, она непосредственно не наблюдается. Ее свойства выводятся из сложных экспериментов. Никто не знает сегодня, что представляет собой электрон вне этих свойств, обусловленных природой эксперимента. Все, чего хотел Беркли, это избежать идеи, согласно которой за нашими восприятиями камней, деревьев и воды стоит некая материальная субстанция, подобная камням, деревьям и воде, – состоящая, по-видимому из маленьких твердых частиц, как это утверждали греческие атомисты, – и что эта субстанция для своего существования не нуждается в том, чтобы быть кем-то воспринимаемой, даже Богом. В дополнение к этому, он не видел причины, по которой Бог – Беркли верил, разумеется, в ветхозаветного Иегову, сотворившего небо и землю – должен был бы обременять себя лишними хлопотами сотворения сперва материи, способной существовать самой по себе, а уже затем наделять ее специальной структурой, которая будет причинять фанерон.

В центре представлений Беркли было глубоко эмоциональное неприятие точки зрения, согласно которой нечто может существовать без другого, который бы его воспринимал. Это неприятие разделяют многие – я сам испытываю его, – хотя и не все люди. Давайте попробуем понять его. Вообразим вселенную, в которой нет ничего, абсолютно ничего, кроме камешка, подвешенного в пространстве-времени. Есть только единственный камешек. Не будет ли беспочвенным, странным, абсурдным, бессмысленным (можете заменить эти выражения любыми другими подходящими словами) утверждать, что такой камень существует. Согласно Беркли, невоспринимаемая материя – это “глупое, бессмысленное нечто”. И если это верно в отношении одного невоспринимаемого камешка, разве это не будет истинным также в отношении невоспринимаемых звезд и планет? Я убежден, что именно эта сильная, хотя и неопределенная эмоция, а вовсе не какой-то рациональный аргумент, служит тонким секретом берклианской философии. Мы находим ее сегодня в мнении физика Дж. Уилера, согласно которому вселенная без сознания, ее воспринимающего, “не имеет основания”, что равносильно утверждению о ее несуществовании.

Ту же самую эмоцию берклианского толка выразил Мигель де Унамуну в своей работе “Трагический смысл жизни”: “Чем была бы вселенная без сознания, способного отобразить и познать ее? Что за объективный резон быть без воли и чувства? Для нас это был бы эквивалент ничто – в тысячу раз хуже, чем ничто... И не рациональная необходимость, но сильная жизненная боль толкает нас к тому, чтобы уверовать в Бога.”

“Быть, значит быть воспринимаемым” – это знаменитое высказывание Беркли... Из этого допущения, если оно принято, плавно вытекает вся его философия. Как и Самуэль Джонсон, епископ превосходно знал,

что камни сопротивляются пинку; как всякий материалист, он был уверен, что вне нас есть нечто независимое от нас. Для Беркли это нечто вне нас есть ум Бога. Неважно, что он понимал под умом. Дерево на газоне перед домом, как утверждает старый лимерик, существует и тогда, когда его никто не видит, ибо его видит Бог. Допустите Бога, и тогда весь мир, распавшийся на множество невероятно сложных закономерностей, тотчас восстанавливается, обретает цельность. Единственная разница – вместо утверждения о существовании за фанероном материи да и только, вы утверждаете, что за материей стоит Бог. Схоласты и Локк утверждали, что Бог сначала сотворил материю, а затем использовал ее для построения вселенной, которую мы населяем. Но зачем городить огород? Не проще ли, говорит Беркли, основывать наш фанерон прямо на Боге? На самом деле Беркли рассматривал свою философию как новый способ доказательства существования Бога.

Все объекты и закономерности во вселенной, по Беркли, являются вневременными идеями в уме Бога. Нет смысла полагать материю (как “немыслящую субстанцию”, абсолютно отделенную от Бога) между Богом и нашими умами. Беркли был убежден, что его точка зрения лучше, чем все остальные философии, согласуется с Писанием и здравым смыслом. Разве обычные люди не считают, что воспринимают реальные объекты, а не просто свойства какой-то таинственной субстанции или, говоря современным языком, структуры квантовых волновых систем, пребывающей за воспринимаемыми вещами? Если бы Беркли жил сегодня, он сказал бы, что квантовая механика свела материю к чистой математике, и что абстрактные математические идеи легче воспринимать как мысли Бога, нежели как свойства пустого пространства-времени, то есть свойства ничто.

Когда Джеймс Босвелл рассказывал, как Джонсон со словами “Я опровергну это следующим образом” изо всех сил пнул камень, он вполне понимал, что Джонсон тем самым никак не опроверг Беркли. Для Беркли камни тверды точно так же, как и для любого атеиста, полагающего за фанероном немыслящую субстанцию. Вселенная Беркли пребывает “вне нас” точно так же, как вселенные Аристотеля, Аквинского или Локка. Читая этих мыслителей, всякий раз заменяйте слово “материя” или “субстанция” на “ум Божий”, и вы постигните эпистемологию Беркли.

Лингвистический трюк Беркли с избавлением от материи через изменение ее наименования оказал огромное влияние на Канта и Гегеля, равно как и на всю постгегелевскую философию, особенно немецкий идеализм. С моей точки зрения не было более тонкой защиты ориентированного на Бога объективного идеализма, чем лекция Джозайи Ройса “Дух современной философии”. Это в чистом виде Беркли. Подобно еписко-

пу, Ройс находит абсурдным представлять существование материального субстрата вне восприятия. Это так же абсурдно, пишет он, как круглый квадрат, холмы без низин или целый квадратный корень из 65... Беркли нашел невоспринимаемую материю отвратительной. Ройс попытался сделать ее противоречивой. И в этом он явно не преуспел. Тем не менее, по сути дела его аргумент совпадает с берклианским. Закономерности нашего фанерона и существование других людей заставляет нас верить в реальность, пребывающую за пределами феноменального мира. Поскольку ничто не может существовать без того, чтобы быть воспринимаемым, мы вынуждены постулировать божественный разум или Абсолют, который воспринимает вселенную.

Здесь не место обсуждать тысячи тонких различий, введенных философами для того, чтобы отличать так называемых реалистов от так называемых идеалистов. По-моему, различие между этими школами большей частью вербальное, окрашенное сильными эмоциональными предпочтениями, которые подкрепляются соответствующими концептами. Здесь я хочу указать лишь на то, что почти все без исключения великие философы прошлого верили в мир, независимый от ума. Все были согласны в том, что постижение этого мира превышает способностей человека. Что мы можем знать, спрашивал Кант, о любом материальном объекте как о вещи-в-себе в отрыве от нашего восприятия ее? Если мы атеисты, то можем назвать независимый от восприятия субстрат “материей”, “субстанцией”, “пространственно-временными событиями” или “чистой математикой”. Если мы верим в некое божество, то можем использовать те же термины или термины типа “Бог”, “Абсолют”, “Дао”, “Брахман”, либо какое-то поэтическое слово, которым предпочитаем называть предельную природы бытия.

Сам я теист (некоторые читатели могут удивиться этому), но если вы спросите меня, какова природа того, что лежит за фанероном – ум ли это Божий, чистая математика или некий особый вид трансцендентного “вещества” – мой ответ будет таким: “Откуда мне знать?” Как я уже говорил, и буду говорить, меня не особенно волнуют великие тайны метафизики. В чем разница между нечто и ничто? Почему существует нечто вроде атомов или ума, из которого состоит вся вселенная? Или же этот субстрат лучше мыслить как некий нейтральный материал: материальный, когда он структурирован одним образом, и умственный, когда он структурирован по-иному? У меня нет желания обсуждать подобные вопросы. Я не нахожу ничего абсурдного в представлении о внешнем мире как об уме Божиим, не нахожу я ничего непривлекательного и во взгляде, согласно которому Бог мог сотворить мир субстанции, не имеющей ничего общего с умом и способной существовать независимо от

того, думает о ней Бог или нет. Как я, смертный, умом едва ли выше обезьяны, могу знать, что значит “сотворен Богом”, или “мыслится Богом”? Можно бесконечно играть словами в такие метафизические игры, но я способен проникнуть в их смысл не более, чем кот, который слушает стук машинки, когда я печатаю этот текст.

Есть однако вопрос меньшего порядка, нежели эти предельные тайны, и на него можно ответить. Какой язык, какие метафоры более предпочтительны в разговоре о внешнем мире? И что имеется в виду, когда говорится о “предпочтительности”? Прежде чем я изложу свое понимание этого вопроса, давайте рассмотрим еще одну точку зрения на реальность – если хотите, “третий язык”, который блестяще защищался Миллем. Этот язык любопытно близок языку Беркли, несмотря на то, что Милль не согласен с его тезисом, согласно которому ничего не может существовать без того, чтобы быть воспринимаемым. Замените христианского Бога Беркли на неличностное то, что есть, и вы будете весьма близки к эпистемологии Милля. Поскольку данная эпистемология не нуждается в божественной личности, она привлекает многих современных философов, называемых прагматистами, позитивистами и феноменологами.

Наиболее точно Милль защищает свою точку зрения во второй лекции своей книги о философии У.Гамильтона. Примите фанерон, говорит Милль, просто примите. Не мучайте себя вопросом о том, что лежит за ним. Просто определите внешний мир как множество всех “объектов” в вашем фанероне, на которые не может повлиять ваша воля. Поскольку мы помещаем их, будь они вещами или людьми, вне нас, проблема субстрата не возникает. Она становится псевдопроблемой. Материя, говорит нам Милль, это просто “непрерывная возможность ощущения”. Нет смысла полагать существование какого-либо субстрата, – ни материального, ни божественного. Дерево находится вне нас в том смысле, что оно остается там независимо от того, смотрим мы на него или нет. Оно продолжает существовать не потому, что Бог продолжает воспринимать его; просто это часть фанерона, которая ведет себя именно таким образом. Зачем говорить больше? Разговор о материальном или умственном субстрате, который является причиной существования дерева, не добавляет ничего к тому, что мы уже знаем. Нет необходимости в доказательстве внешнего мира, потому что он “здесь” по определению. Всеобщность вещей в нашем фанероне, которые существуют независимо в нашем опыте, это все, что мы имеем в виду, когда употребляем словосочетание “внешний мир”.

Милль суммировал это следующим образом: “Вера в такую непрерывную возможность, как мне кажется, включает все, что существенно

для веры в субстанцию. Я верю, что Калькутта существует, хотя и не воспринимаю ее, и она будет продолжать существовать, даже если все ее обитатели внезапно оставят это место или вымрут. Но когда я анализирую веру, единственное, что я обнаруживаю, что эти события имеют место, Непрерывная Возможность Ощущений, которую я называю Калькуттой, будет оставаться. И что если бы я внезапно был перенесен на берега совсем другого материка, я все еще имел бы возможность ощущений, которые могли бы привести меня к утверждению о существовании Калькутты”.

Большинство философов, признает Милль, в той или иной степени были увлечены идеей осмысления запредельного фанерону материального или духовного субстрата. Он не усматривает в этом стремлении ничего странного, он просто находит его излишнем. Говоря современным языком, утверждения о существовании такого субстрата не добавляют ничего информативного в дополнение к тому, что может быть установлено на языке феноменализма. [...]

Подход, согласно которому вопрос о существовании какого-то субстрата за фанероном не имеет смысла, защищался также некоторыми членами Венского Кружка, по большей части Рудольфом Карнапом. Его первая серьезная работа “Логическая структура мира” была попыткой показать, что на основании одного примитивного отношения, а именно, подобия, можно сконструировать непротиворечивый солипсистский язык, в котором возможно делать любые эмпирические утверждения о мире, допустимые в реалистическом языке. Поскольку оба языка по-разному говорят одно и то же, никакого дополнительного эмпирического содержания по сравнению с аристотелевским реализмом не возникает. И решение о том, какой язык принять, это чисто практическое решение. Какой из них более удобен? Карнап предпочел язык “вещей”, реалистический язык науки и здравого смысла не потому, что он “истиннее”, но потому, что он эффективнее в качестве языка, говорящего об опыте.

Подобные же взгляды были приняты философами, которые называли себя феноменологами, но которые расходились по многим вопросам... Некоторые рассматривают внешний мир как своего рода продукт коллективного творчества независимых умов. Карикатуру на подобную точку зрения можно найти в “1984” Оруэлла, где “истина” о мире и его истории производится правящими политическими партиями. Некоторые антропологи, будучи крайними культурными релятивистами, утверждали, что законы науки, как и теоремы математики, не имеют реальности вне человеческой культуры. Законы гравитации, уравнения вроде того, что $3+2=5$, это не истины вне человеческого ума. Это просто аспекты культурного выражения народного творчества, подобно правилам уличного

движения или правилам поведения.

Не все члены Венского Кружка были согласны с подходом Рудольфа Карнапа к выбору языка как к проблеме удобства. Герберт Фейгль был первым еретиком, заявившим, что реализм имеет более прочную основу, нежели простая эффективность языка. Около двадцати лет он и Карнап спорили по этому поводу, в результате чего каждый из них слегка видоизменил свою позицию, но оба остались стоять на своем. Вне Венского Кружка большинство философов приняли сторону Фейгля.

Будучи студентом философии в Чикаго, я как-то посетил семинар Бертрانا Рассела. Карнап, тогда профессор в Чикаго, тоже ходил туда, и часто вступал в дебаты с Расселом, из которых до меня доходила только часть услышанного. Однажды возник спор о том, должна ли наука утверждать в качестве онтологического тезиса реальность мира за фанероном. Карнап пытался вести аргументацию в техническом русле, но Рассел лукаво перевел разговор на спор о том, должны ли считаться жены философов (новая жена Рассела сидела в заднем ряду и, улыбалась, вязала) существующими реально или же это просто логические фикции, основанные на закономерностях фанеронов мужей.

На следующий день я был на почте, и профессор Чарльз Хартшорн, остроумный философ, у которого я прослушал много интересных курсов, узнав меня, остановился поболтать. “Вы были вчера на семинаре Рассела?”, – спросил он. – “Я пропустил его”. “Да”, – сказал я. – “Это было восхитительно. Рассел старался убедить Карнапа, что жена Карнапа существует, а тот никак не хотел этого признать”.

Хартшорн рассмеялся. Затем, как это часто бывает в жизни, вошел Карнап. Хартшорн познакомил нас (это было в первый раз, когда я встретил Карнапа; через несколько лет мы вместе работали над книгой). Затем, к моему ужасному смущению, Хартшорн сказал: “Гарднер только что сказал мне, что Рассел вчера старался убедить вас в существовании вашей жены, но вы отказались принять его аргументацию”.

Карнап не улыбнулся. Он смерил меня взглядом и сказал: “Но ведь суть разговора была не в этом”. Разумеется, он был прав. Ни один философ в здравом уме не будет сомневаться в существовании объектов или лиц, находящихся вне его ума. Совершенно оправдано, писал Карнап, предполагать, что звезды будут продолжать существовать, даже если все умы исчезнут. Философы лишь говорят о том, что это значит, что звезды будут продолжать существовать.

Окончательное мнение Карнапа по этому вопросу можно найти в его ответе на критику в книге “Философия Рудольфа Карнапа”. Здесь Карнап объясняет, почему он отвергает как бессмысленные утверждения типа “внешний мир реален”, а также многочисленные претензии разных

версий идеализма и феноменализма. Вместо того, чтобы принимать чью-либо сторону в метафизических спорах, Карнап полностью обходит сам вопрос, заменяя его вопросом об удобстве использования языка в определенном контексте. Если реализм рассматривать как онтологический тезис, пишет Карнап, то он не реалист. Если же реализм рассматривается как предпочтение реалистического языка феноменологическому в науке, философии и повседневной речи, “то я тоже реалист. Феноменологический язык отвергается не потому, что он ложен, но потому, что это абсолютно частный язык, который можно использовать в одиночку, но не как средство общения между людьми”. В.Куайн принял ту же точку зрения в своей знаменитой статье “О том, что существует”.

Один из наиболее интересных аргументов в пользу запредельного фанерону субстрата принадлежит Райхенбаху. Опираясь на образ пещеры у Платона, Райхенбах предлагает такой образ: пусть наша вселенная состоит полностью из чудовищного большого куба с полупрозрачными сторонами. Вне куба летают птицы, но мы видим их тени на сторонах и вершине куба. И мы думаем сначала, что тени это и есть реальность. Постепенно, после наблюдения множества закономерностей в появлении теней, выходит Коперник и говорит нам, что тени являются следствием объектов – в данном случае птиц, – которые существуют вне куба.

Теперь представим себе, что куб съезжился до пределов кожи нашего тела. Мы имеем теперь, говорит Райхенбах, полезную аналогию с человеческим восприятием. Ясно, что все, что мы знаем о мире вне нас, выводится из того, что находится внутри нашей кожи или, скорее, внутри нашего черепа, где интерпретируются чувственные данные. Но регулярность полетов птиц на сетчатке наших глаз поддерживают гипотезу о том, что вне наших глаз находится мир, независимый от нашего внутреннего опыта. Эта гипотеза имеет огромную объяснительную и предсказательную силу. Кроме того, эта теория чрезвычайно проста и, как следует из правила бритвы Оккама, предпочтительна по сравнению с более сложными теориями. Эмпирически она подтверждается наравне с другими теориями, то есть несколько не хуже их в этом отношении. На самом деле она даже лучше, ибо все человеческие существа подтверждают ее каждой минутой своей жизни. Мы не можем сказать, что гипотеза абсолютно доказана, но она настолько близка к этому, насколько вообще может быть близка к доказательству любая гипотеза.

Неверно, говорит Райхенбах, что эта гипотеза не имеет преимуществ по сравнению с субъективистским взглядом. Во-первых, для человека, который ее утверждает, она значит нечто совершенно отличное. Одно дело верить в то, что кроме теней птиц на крыше Райхенбаховского куба ничего не существует, и совсем другое – верить, что они представляют

собой тени чего-то существующего вне куба; и совсем уж другое дело верить в то, что выяснять, какая точка зрения истинна, не имеет смысла. Мы никогда не сможем доказать феноменологу, что тени создаются птицами, которые находятся снаружи. Даже если мы просверлим дырку в крыше, и через нее увидим порхающих птиц, он все равно сможет утверждать, что птицы – это иллюзии, вызванные тенями, и, следовательно, менее реальны, чем тени.

Я обнаружил, что термин “реализм” в истории философии имел столько значений, что пока не остановишься на каком-то варианте определения и не будешь придерживаться его с крайней точностью, употреблять его почти бесполезно. Я обнаружил также, что было много школ реализма, каждая из которых претендовала на то, что описывает сложную причинную цепь событий, идущих от “внешних” объектов к объектам восприятия ума.

Рассмотрим знакомую цепь. Вы видите на экране телевизора женщину в красном платье. Что такое красный цвет? В зависимости от того, как вы определите используемые понятия, вы можете дать несколько верных ответов. Даже если вы находитесь в студии и видите женщину напрямую, ответ не так-то прост. Свет, попадающий на ее платье, отражается сложнейшим образом через структуру электромагнитных волн. Эта структура претерпевает рефракцию, проходя через глаз, и давая перевернутое изображение на сетчатке. Эти образы переводятся в электрические импульсы, которые проходят по зрительным нервам по обе стороны мозга. Затем, путем никем не понятых пока процессов, мозг интерпретирует эту информацию и дает вам ощущение красного. С одной точки зрения, это богатая смесь цветов, звуков и запахов. С другой стороны мы согласны с А.Н.Уайтхедом, что:

“Поэты в корне ошибались. Они должны были адресовать свои сонеты самим себе, и воспевать великолепие человеческого ума. А природа это скучная, беззвучная вещь, в которой нет ни цветов, ни запахов, – простое нагромождение материала, бесконечное и бессмысленное”.

Платье женщины состоит из атомов, которые в свою очередь состоят из протонов, электронов и нейтронов. А из чего сделаны они? Физика достигает той точки, начиная с которой природа материи погружается во тьму. Некоторые частицы могут оказаться сделанными из кварков, но тогда возникает вопрос, из чего сделаны кварки. Собака знает кое-что о структуре дерева, но ничего не знает об атомах. Современный физик много знает об атомах, но наступает такой момент, когда “вещество” дерева становится недоступным его пониманию. Быть может, окончательная природа вещества известна лишь Богу? Кто может это сказать? Мы даже не понимаем по большому счету самого вопроса. Может быть,

вообще нет никакой окончательной природы. Все, что мы знаем, это то, что структура материи может иметь бесконечное число уровней, подобно китайской шкатулке.

В этой книге я использую термин “реализм” в широком смысле слова как веру в реальность чего-то такого (природу которого мы оставляем в тумане), что стоит за фанероном и его потрясающими закономерностями. Это что-то независимо от человеческого ума в том смысле, что оно существовало до того, как появился ум, и будет существовать после исчезновения человеческого рода. Я не использую слово реализм в смысле взгляда, противоположного идеализму, или в платоновском смысле взгляда, противоположного номинализму или концептуализму. В моем словоупотреблении Беркли и Ройс – реалисты. Противоположным термином тут будет не “идеализм”, а “субъективизм”. Это субъективизм либо в строгом смысле слова, когда отрицается существование фасоли по ту сторону фанерона, или же в слабом смысле, когда вопрос о существовании фасоли считается бессмысленным, и нет даже смысла задавать его.

Давайте подведем итог трем главным причинам, по которым стоит утверждать реализм. Первые две были приняты сторонниками Дьюи и Карнапа, а третья, которая вводит в разговор эмоциональное значение, будет по-видимому отвергнута обоими группами... По моему мнению, однако, эмоции есть единственный повод для метафизики. Как бы там ни было, именно третья причина склоняет меня принимать реализм как оправданную онтологическую доктрину.

1. **Аргумент удобства.** Язык реализма необходим для общения между людьми. Это объясняет, почему реализму отдают предпочтение почти все философы, теологи и ученые, равно как и простые смертные.

Большинство людей – “наивные реалисты”, и когда они смотрят на камень, то считают, что видят реальный камень. Философы же защищают эту позицию как предпочтительный язык. Но будет несложно объяснить наивному реалисту кое-что о современных теориях строения вещества. После этого нормальный человек и дальше будет верить, что все эти волны и частицы находятся вне его и независимы от его ума, и именно они делают камни похожими на камни.

Когда Дж.Мур в ходе своих лекций дал знаменитое доказательство внешнего мира, махнув рукой и сказав: “Здесь одна рука”, а затем, махнув другой: “Здесь вторая рука”, он исполнил символический

акт здравого смысла по существу того же толка, что и Джонсон, который пнул ногой камень. Далее Мур сказал, что если бы вы, держа в руке носок, сказали: “Вот носок”, это было бы таким же доказательством. Для того, чтобы доказать существование объектов в прошлом, в этом случае следовало бы добавить: “Мгновение тому назад я держал носок”. Мур вполне отдавал себе отчет, что не представляет логического доказательства. Он просто настаивал, как и Джонсон, что ни один человек в здравом уме не будет сомневаться в том, что камни и носки существуют независимо от нашего ума.

Если модель Большого Взрыва истинна, то ни один ум не мог его быть свидетелем (мы оставляем в стороне возможность восприятия взрыва Богом). Каким же неоправданно сложным становится язык субъективиста, если он захочет объяснить, почему верит в то, что вселенная существовала через три минуты после взрыва. Он вынужден будет сказать, что она существовала потому, что где-то рядом, вероятно в гиперпространстве, находился ум, который и мог наблюдать этот огненный шар. Если он захочет объяснить, почему звезды будут существовать и после того, как умы исчезнут, он должен будет добавить, что они будут существовать в том смысле, что если бы существовал ум, то он мог бы их видеть. Субъективист может сказать, что в коробке есть монета, но есть она там только благодаря его уверенности в том, что если коробку открыть, он увидит монету. Он может сказать, что механизм внутри часов двигает стрелки только потому, что если часы открыть, он увидит, как механизм двигает стрелки.

Философы называют это “контрфактическими суждениями”. Они ведут к любопытным проблемам, связанным с языком науки, которых мы здесь касаться не будем. Моя точка зрения проще. Процитированные выше контрфактические утверждения представляют собой ненужные усложнения. Обычные люди, даже философы и ученые, без колебаний заявят, что монета находится в коробке независимо от того, будет она открыта или нет. Зачем же почесывать левое ухо правой ногой? Не последняя из добродетелей реализма здравого смысла, от Аристотеля до Поппера, состоит в том, что заставляет философа говорить с обычными людьми об эпистемологии без мистификации и придыхания.

2. **Эмпирический аргумент.** Реализм является наипростейшей и лучше всего подтверждаемой гипотезой о закономерностях нашего

фанерона.

Хотя Райхенбах противопоставлял свой аргумент карнаповской позиции онтологической нейтральности, Карнап в некотором смысле был готов принять его. Отвечая на критику, Карнап говорил:

“Позднее Райхенбах придал тезису реализма интерпретацию в научных терминах, утверждающую возможность индукции и предсказания; подобная же интерпретация была предложена Фейглем. На основании этих интерпретаций тезис, конечно, обретает смысл. В таком варианте это синтетическое эмпирическое утверждение об определенных структурных свойствах мира. Я сомневаюсь, однако, следует ли давать старым тезисам и спорам новую интерпретацию, которая сделает их осмысленными.”

Имеется в виду, что Карнап не против того, что реализм принимает дополнительное значение, если рассматривается как эмпирическая гипотеза, а не как онтологическое утверждение. С точки зрения Карнапа, аргумент Райхенбаха с кубом просто усиливает избыточное удобство реалистического языка. С точки зрения Райхенбаха, когда удобство становится столь избыточным, появляются основания и для онтологического скачка. Теперь, когда у нас есть фотографии кратеров обратной стороны Луны, никто не сомневается в том, что кратеры существуют. Если гипотеза о существовании объектов вне фанерона, подкрепляется более чем очевидными свидетельствами эмпирического толка, почему бы не принять эмпирический реализм в качестве онтологического тезиса?

3. **Эмотивный аргумент.** Онтологическое принятие реализма оказывает сильное эмоциональное воздействие на тех, кто его принимает.

Я согласен с У.Джеймсом, что эмотивное значение играет фундаментальную роль в решении всех философских вопросов. Я согласен с ним и в том, что при отсутствии убедительных контраргументов эмоции могут быть вполне допустимым основанием для метафизических скачков.

Я убежден, что реализм отражает здоровую позицию личности по отношению к себе самой и другим, а также ее смирение перед лицом неодолимой тайны бытия. Субъективизм отражает нарциссизм, крайняя форма которого ведет к сумасшествию. Позвольте мне сказать прямо. Существует огромная разница между мышлением человека как онтологической реальностью, которая существует сама по себе, и мышлением человека как полезной конструкцией, основанной на закономерностях его

фанерона. Существует почти такая же эмоциональная разница между верой реалиста, и позицией которая полагает, что язык реализма и феноменализма различаются лишь по степени эффективности. Даже подлинный солипсизм, если он философ, вынужден признать чудовищное удобство реалистического языка. Для него это удобство лишь подчеркивает невероятную сложность и тонкость описываемой этим языком иллюзии.

Гораздо проще сомневаться в существовании материи, сказал У.Джеймс, нежели в других умах. “Нам они очень нужны... Психологически солипсизм представляется чересчур отвратительной насмешкой над нашими желаниями...” Убеждение в том, что предполагать существование других людей полезно или удобно, писал Б.Рассел, “недостаточна для того, чтобы облегчить мое чувство одиночества. Я хочу не того, чтобы вера в солипсизм оказалась ложной в прагматическом смысле, – на самом деле я хочу, чтобы другие люди существовали на самом деле”. Тем не менее, все аргументы об отсутствии необходимости в существовании субстрата по ту сторону наших восприятий камней приложимы в равной мере и к нашим восприятием человеческих существ.

Как-то Рассел говорил о солипсизме на встрече, где председательствовал Уайтхед. Как рассказывает Рассел в своей автобиографии, он при этом сказал, что не верит, будто мог написать те части книг Уайтхеда, которые он, то есть Рассел, не понимает, – хотя он и не может доказать, что не смог бы написать их. Он имел в виду, разумеется, логическое доказательство. Но есть много вещей, на самом деле важных вещей, в которые человек должен верить по эмоциональным причинам – назовите это животным инстинктом, если угодно. Одна из них – это существование других людей на онтологическом уровне, то есть уровне, который лежит за пределами нашего фанерона с его закономерностями.

Следует подчеркнуть, что мы живем во время, когда интерес людей к паранормальным явлениям растет, да к тому же еще в соединении с интересом к индуистской философии, которая рассматривает вселенную как майю, множество иллюзий, сотворенных богом. А так как наши умы едины с Верховным Умом, из этого следует, что мы в какой-то мере отвечаем за существование вселенной и ее структуры. Этот привкус нереальности физического мира присутствует в некоторых наивных религиях (например, в Христианской Науке) и во множестве книг вроде тех, что пописывает Карлос Кастанеда. Так, в книге Р.Баха “Чайка по имени Джонатан Ливингстон” птица поднимается в своем сознании столь высоко, что может пролетать сквозь гору, как если бы той не было. В кинокартине “Космический контакт третьей степени” внеземной корабль проходит сквозь галактики как иголка. Некоторые видные физики вроде

Э.Вигнера верят, что свойства вселенной и даже само ее существование, весьма тонким образом зависит от восприятия ее некоторыми умами...

Хотя ни один здравомыслящий человек солипсистом не был, доктрина эта нередко поражает молодые умы. Можно указать, например, Честертона. В своей автобиографии он пишет о периоде в юном возрасте, когда его сильно беспокоила мысль, что кроме него самого и его фанерона может быть ничего и не существует. Позднее он стал реалистом, и во многих своих работах предупреждает об опасности психологических солипсистских спекуляций. Особенно интересна в этом отношении история под названием “Преступление Габриеля Гейла”. Вот краткое содержание рассказа. Гейл – поэт, художник, детектив – обвинен в ужасном преступлении. Однажды в штормовую ночь Гейл привязал одного молодого человека, который готовился стать священником, к дереву, и прикрепил пару вил к шее бедняги таким образом, что тот вынужден был простоять всю ночь носом к дереву. Будучи арестован за попытку убийства, Гейл попросил полицию заслушать показания предполагаемой жертвы. К их удивлению, ответ был совсем странным. “Никогда не смогу полностью отблагодарить Гейла за его великую доброту, которая спасла мне жизнь”.

Оказывается, молодой человек прошел через те же фазы безумия, которые мучали Честертона. Он был готов уверовать, что его фанерон зависит лишь от того, что находится у него в голове. Гейл, всегда чувствительный к психологии других, понял, что тот пребывает на грани помешательства. Лечение Гейла было радикальным. Привязав молодого человека к дереву, он убедил его не логически (невозможно логикой убедить человека в каких-либо важных вопросах), но более убедительным образом. Молодой человек обнаружил себя привязанным к чему-то такому, чего его ум смог изменить.

“Мы все привязаны к дереву”, – прокомментировал Гейл эту историю полиции. – “И пока дерево твердое, мы знаем, что звезды не упадут с неба, и что холмы не сдвинутся с места от наших слов. Разве вы не можете представить тот огромный прилив здорового облегчения и благодарности, подобно гимну всей природы исходящий от привязанного к дереву, когда узнает наконец потрясающую новость: новость, что он был только человеком?”

История заканчивается, когда этот человек, уже излеченный, говорит одному атеисту: “Бог хочет, чтобы мы играли в эту игру”. “Откуда вы знаете, чего хочет Бог”, – спросил атеист. – “Ведь вы никогда не были Богом?” Молодой человек ответил: “Я был Богом последние четырнадцать часов. Но я оставил это занятие. Я нашел его чересчур утомительным”.